



КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

именем Латвийской Республики

по делу № 2014-13-01

Рига, 16 апреля 2015 года

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Алдис Лавиньш, судьи Каспарс Балодис, Кристине Крума, Гунарс Кусиньш, Улдис Кинис, Санита Осипова и Инета Зиемеле,

в связи с конституционными жалобами общества с ограниченной ответственностью *RMB One* и общества с ограниченной ответственностью *DNB līzings*,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пункта 1 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17, а также статей 19² и 28¹ Закона о Конституционном суде,

в письменном процессе на судебном заседании 17 марта 2015 года рассмотрел дело

«О соответствии части шестой статьи 635 Гражданско-процессуального закона, в той мере, в какой она относится к повороту исполнения решения в делах о взыскании оплаты труда, первому и третьему предложениям статьи 92 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. Сазэйма 14 октября 1998 года приняла Гражданско-процессуальный закон, который вступил в силу 1 марта 1999 года.

Статья 634 этого закона предусматривает: «В случае отмены решения, приведенного в исполнение, и вынесения после нового рассмотрения дела решения об отклонении иска либо определения о прекращении судопроизводства по делу или оставлении дела без рассмотрения ответчику должно быть возвращено все то, что было с него взыскано в пользу истца по отмененному решению (поворот исполнения решения)».

Эта норма не подвергалась изменениям и по-прежнему действует в своей первоначальной редакции.

В свою очередь, часть шестая статьи 635 Гражданско-процессуального закона предусматривает, что по делам о взыскании средств содержания, взыскании оплаты труда, взыскании убытков в связи с личными оскорблениями, в результате которых возникло увечье или иное повреждение здоровья либо наступила смерть лица, поворот исполнения решения допускается, если отмененное решение было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах. Законом от 8 сентября 2011 года «Поправки к Гражданско-процессуальному закону» в упомянутой норме слова «вводящих в заблуждение» были заменены словом «ложных».

2. В Конституционном суде было возбуждено дело о соответствии части шестой статьи 635 Гражданско-процессуального закона, в той мере, в какой она относится к повороту исполнения решения в делах о взыскании оплаты труда, (далее также – оспариваемая норма) первому предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция) и дело о соответствии оспариваемой нормы

первому и третьему предложениям статьи 92 Конституции. Решением судьи Конституционного суда от 1 августа 2014 года упомянутые дела были объединены в одно дело № 2014-13-01, которому было присвоено наименование «О соответствии части шестой статьи 635 Гражданско-процессуального закона, в той мере, в какой она относится к повороту исполнения решения в делах о взыскании оплаты труда, первому и третьему предложениям статьи 92 Конституции Латвийской Республики».

Общество с ограниченной ответственностью *RMB One* и общество с ограниченной ответственностью *DNB līzings* (далее также – Заявители) в своих конституционных жалобах указывают, что вступившими в силу решениями судов апелляционной инстанции были отклонены иски работников к Заявителям, среди которых были также иски о взыскании среднего заработка за время вынужденного пропуска работы. В соответствующих делах было определено немедленное приведение в исполнение благоприятных для работников постановлений судов первой инстанции. Суды апелляционной инстанции на основании оспариваемой нормы отклонили просьбы Заявителей о повороте исполнения постановлений.

Заявители, ссылаясь на практику Конституционного суда, указывают, что содержащееся в первом предложении статьи 92 Конституции понятие «справедливый суд» в процессуальном аспекте следует интерпретировать в увязке с принципом правового государства и принципом справедливости. Содержащееся в статье 634 Гражданско-процессуального закона регулирование, которое предусмотрено для ситуации, когда приведенное в исполнение постановление отменяется и при повторном рассмотрении дела иск не удовлетворяется, следует считать механизмом исправления допущенных судом ошибок, и это регулирование соответствует как указанным принципам, так и принципу

равенства сторон, установленному статьей 9 Гражданско-процессуального закона.

В то же время в отношении дел о взыскании оплаты труда законодатель в оспариваемой норме предусмотрел исключение из упомянутого механизма. Следует учитывать, что, согласно пункту 2 части первой статьи 205 Гражданско-процессуального закона, в делах о взыскании оплаты труда суд может определить, что решение подлежит исполнению немедленно. Содержащееся в оспариваемой норме регулирование следует признать ограничением права на справедливый суд и нарушением принципа процессуального равноправия сторон, так как оно не позволяет ответчику получить обратно то, что было с него взыскано на основании ошибочного и отмененного решения суда. В свою очередь, истец, чей иск отклонен, может необоснованно обогатиться за счет ответчика, так как у него остается взысканная оплата труда, на которую он не имеет права. Оспариваемая норма не позволяет исправить допущенные судами ошибки, что напрямую проявилось в случае Заявителей, и восстановить прежнее положение.

Согласно интерпретации, приведенной в решении Департамента по гражданским делам Сената Верховного суда (далее – Сенат) от 29 октября 2008 года по делу № SKC-375/2008, понятие «оплата труда» среди прочего включает также возмещение (вознаграждение) за время вынужденного пропуска работы, так как работодатель не имел правового основания на то, чтобы не выплачивать его работнику.

Содержащееся в оспариваемой норме ограничение основных прав установлено законом и имеет легитимную цель, состоящую в социальной защите добросовестного истца – работника, который получил взысканную по решению суда оплату труда. Посредством оспариваемой нормы законодатель обеспечил работнику возможность израсходовать взысканную оплату труда и не возвращать ее в случае, если впоследствии

решение суда будет отменено и иск не будет удовлетворен. Работники считаются социально и экономически слабейшими лицами, которым необходима дополнительная, т. е. особая, правовая защита. Законодатель в Гражданско-процессуальном законе и Законе о труде уже предусмотрел несколько механизмов защиты прав работника. Поскольку оплата труда является главным видом дохода работника, обеспечивающим работнику и членам его семьи покрытие необходимых расходов, посредством содержащегося в оспариваемой норме ограничения основных прав легитимная цель достигается, но – за счет ответчика.

Такое средство достижения легитимной цели нельзя признать наиболее щадящим, так как результат его применения не отличается от ситуации, когда удовлетворяется необоснованный иск о взыскании оплаты труда и соответствующее решение приводится в исполнение. Кроме того, работодатель должен осуществить также предусмотренные законом налоговые платежи в связи с оплатой труда, присужденной и выплаченной наемному работнику. Таким образом, на работодателя по сути возлагается имущественная ответственность за судебные ошибки и обязанность выполнять социальную функцию государства. Следовательно, оспариваемая норма затрагивает также установленное статьей 105 Конституции право на собственность, так как у ответчика без правового основания конфискуются денежные средства. Предусмотренные оспариваемой нормой исключения как таковые не устраняют ущемления права на справедливый суд в ситуациях, когда эти исключения не констатируются.

По практике Сената посредством оспариваемой нормы работодатель вообще лишается возможности обратно получить от работника оплату труда, взысканную по отмененному судебному решению, даже на основании положений Гражданского закона об истребовании ввиду необоснованного обогащения. Оспариваемая норма

существенно ущемляет право ответчика на эффективное исполнение решения суда.

В нормах Гражданско-процессуального закона содержится принцип, согласно которому имущественное положение ответчика не должно ухудшиться в случае предъявления необоснованного иска. Привилегии, предоставляемые работнику с целью облегчения ему доступа к суду, следует относить только к случаям, когда иск работника обоснован. Если же иск работника отклонен вступившим в силу решением, то тем более нет оснований освобождать его от обязанности вернуть взысканную сумму. За исключением оспариваемой нормы, законодатель в этом отношении был последователен и не предусмотрел исключений для работника в связи с возмещением судебных издержек и расходов, связанных с ведением дела (статьи 41–44 Гражданско-процессуального закона).

Содержащееся в оспариваемой норме ограничение основных прав нельзя признать соразмерным. То, что на работодателя возлагается обязанность обеспечить работнику оплату, на которую работник не имеет права, нельзя оправдать защитой работника как социально слабой стороны, что является функцией государства. Чтобы гарантировать работнику средства к существованию и обеспечить соответствие соответствующего правового регулирования статье 92 Конституции, государству следовало предусмотреть компенсационный механизм, в соответствии с которым работодателю возвращались бы денежные средства, уплаченные в рамках немедленного исполнения судебного решения, или же сам работник получал бы возмещение от государства. Такой механизм обеспечивал бы соблюдение прав сторон, и, кроме того, при этом права работодателей затрагивались бы в наименьшей степени.

Оспариваемая норма наносит вред всему обществу, так как в стране легитимируется правовое регулирование, выгодное только для одной

части общества, но очевидно несправедливое по отношению к другой его части. Это не может принести пользу демократическому обществу и снижает доверие к суду и к государству в целом. Таким образом, польза, которую получает общество, не превосходит неблагоприятные последствия, возникающие у лица в результате ограничения его основных прав.

Кроме того, ранее Конституционный суд признал не соответствующим статье 92 Конституции правовое регулирование, которое предусматривало исполнение решения суда апелляционной инстанции до постановления суда кассационной инстанции, и указал, что содержащееся в Гражданско-процессуальном законе регулирование поворота исполнения решения не предусматривает достаточных возможностей обеспечения этого поворота при помощи соответствующих правовых средств. Оспариваемая же норма вообще не позволяет осуществить поворот исполнения решения и, следовательно, тем более не соответствует первому предложению статьи 92 Конституции.

Один из Заявителей – общество с ограниченной ответственностью *DNB līzings* – в дополнение к вышеупомянутому просит признать оспариваемую норму не соответствующей также третьему предложению статьи 92 Конституции и недействительной с 19 декабря 2013 года. Оспариваемая норма не гарантирует лицу право на эффективное судебное постановление и таким образом лишает лицо возможности получить сообразную ущемлению компенсацию (удовлетворение).

3. Орган, издавший оспариваемый акт, – Сазьма – считает, что оспариваемая норма соответствует первому предложению статьи 92 Конституции.

Регулирование, идентичное оспариваемой норме, содержалось и в части третьей статьи 439 Гражданско-процессуального кодекса Латвии.

Заявители не отрицают, что ограничение основных прав было установлено законом, принятым в надлежащем порядке, и имеет легитимную цель – обеспечить право работника получать оплату труда, соответствующую выполняемой работе, и таким образом приобретать средства к существованию.

В рамках проверки соразмерности необходимо оценить, действительно ли оспариваемая норма предусматривает ограничение указанных Заявителями основных прав лица. Было бы неправильно руководствоваться единственно словесным смыслом правовой нормы. Если текстуально норма выражена неточно, необходимо учитывать действительную волю принявшего ее органа. Законодатель вправе придать используемым в норме словам специфическое юридическое значение, которое может отличаться от общей практики. Правоприменителю необходимо истолковать содержащиеся в норме понятия, причем истолковать соответствующим конституции образом.

С ходом применения оспариваемой нормы Сенат, решением от 29 октября 2008 года по делу № SKC-375/2008, осуществил изменение юдикатуры, что повлияло на понимание содержания оспариваемой нормы. В упомянутом решении в результате системного толкования оспариваемой нормы с нормами Закона о труде сделан вывод, что выплаченное работнику возмещение за вынужденный пропуск работы следует считать оплатой труда. Сенат не взвесил необходимость применения норм Конституции в разрешении вопроса, а также не оценил возможное ущемление прав второй стороны. До изменения юдикатуры возмещение за вынужденный пропуск работы не считалось оплатой труда в понимании статьи 59 Закона о труде, и поэтому оспариваемая норма не относилась к этим случаям. Таким образом, применение оспариваемой нормы при осуществлении поворота исполнения решения в делах о взыскании возмещения за вынужденный пропуск работы является

возможным. В рассматриваемом деле по сути оспаривается не процессуальная норма как таковая, а практика ее применения, переоценка которой не входит в компетенцию Конституционного суда.

Оспариваемая норма пригодна для достижения легитимной цели, так как четко определяет, в каких случаях недопустим поворот исполнения решения. Нормы Гражданско-процессуального закона не предусматривают императивную защиту истца, и регулирование в отношении поворота исполнения решения следует рассматривать системно с положениями о немедленном исполнении решения. Согласно части первой статьи 205 Гражданско-процессуального закона, необходима просьба участника дела об установлении немедленного исполнения решения. В плане принятия решения относительно такой просьбы за судом сохраняется свобода действий. В практике Сената право определить, что решение подлежит немедленному исполнению, является исключением из предусмотренного законом общего порядка, согласно которому решения подлежат исполнению после их вступления в законную силу. Принимая решения в отношении упомянутых просьб участников дела, суд должен использовать свою свободу выбора в рамках Конституции и общих правовых принципов. Решение в части о его немедленном исполнении должно соответствовать части пятой статьи 193 Гражданско-процессуального закона, и суд должен констатировать и тщательно оценить особые имеющие отношение к истцу обстоятельства, в силу которых необходимо и допустимо немедленное исполнение решения полностью или в определенной части.

В гражданских делах с участием Заявителей судам также следовало оценить финансовое положение истцов. Заявители имели право возразить против просьбы второй стороны о немедленном исполнении решения и указать на сформулированные Сенатом критерии разрешения соответствующего вопроса. Заявители также могли использовать право,

предусмотренное статьей 206 Гражданско-процессуального закона. В решении суда первой инстанции по делу с участием одного из Заявителей, а именно общества с ограниченной ответственностью *RMB One*, не содержится информации о том, использовал ли работодатель в конкретном гражданском деле свое процессуальное право выразить мнение о просьбе второй стороны. Обоснование принятия решения по соответствующему процессуальному вопросу настолько скупо, что наводит на сомнения в его соответствии практике Сената. В рамках процесса Конституционного суда невозможно проверить, пользовались ли стороны надлежащим образом своими процессуальными правами в ходе рассмотрения гражданских дел.

Легитимной цели невозможно достигнуть иными, в меньшей степени ограничивающими права и законные интересы лица средствами. Гражданско-процессуальный закон предусматривает уравновешенные возможности обеих сторон, активно пользующихся своими процессуальными правами, приводить аргументы в отношении немедленного исполнения решения.

До изменения юдикатуры Сената применение статей 205 и 635 Гражданско-процессуального закона на практике не вызывало проблем, так как посредством немедленного исполнения решений взыскивалась оплата труда за реально проделанную работу и таким образом обеспечивалось справедливое равновесие между интересами сторон, а также интересами сторон и всего общества. Упомянутый вопрос обсуждался также в рабочей группе Министерства юстиции по разработке поправок к Гражданско-процессуальному закону, в результате чего был сделан вывод, что проблемы, которые можно констатировать в практике применения оспариваемой нормы, следует решать не посредством внесения поправок в закон, а посредством дискуссий об изменении юдикатуры. В рамках рассматриваемого дела следовало бы проверить,

было ли осуществленное Сенатом изменение юдикатуры обоснованным и соответствующим Конституции.

Заявитель – общество с ограниченной ответственностью *DNB lizings* – чрезмерно широко трактует охват третьего предложения статьи 92 Конституции, несмотря на то, что это предложение создано как специальная правовая норма с акцентом на отдельном аспекте права на справедливый суд. Право на эффективное исполнение решения входит в общие гарантии права на справедливый суд. Согласно практике Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), также недопустимо толковать часть первую статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) таким образом, что она охватывает процессуальные гарантии тяжущихся сторон, но не включает гарантии исполнения судебного решения. Право на исполнение решения является неотъемлемой составляющей права на справедливый суд. Все вопросы, относящиеся к исполнению судебных решений, необходимо рассматривать в пределах охвата первого предложения статьи 92 Конституции, что подтвердил и Конституционный суд. Таким образом, в рассматриваемом деле оценке подлежит соответствие оспариваемой нормы только этой норме Конституции.

4. Приглашенное лицо – Омбудсмен Латвийской Республики (далее – Омбудсмен) – считает, что оспариваемая норма не соответствует первому и третьему предложениям статьи 92 Конституции.

Уже Гражданско-процессуальный закон 1938 года предусматривал предварительное исполнение решения по просьбе тяжущейся стороны, в том числе в определенных трудовых спорах. В законе было предусмотрено, что предварительное исполнение решения по спорам, вытекающим из трудовых правоотношений, зависит от судьи, и, кроме

того, судья мог потребовать обеспечение от стороны, которая просила о предварительном исполнении.

Омбудсмен в целом присоединяется к аргументам Заявителей, дополнительно указывая, что упомянутую Саэймой легитимную цель можно отнести к незамедлительному исполнению решения, но не к регулированию, предусмотренному статьей 635 Гражданско-процессуального закона, целью которого является защита ущемленных в результате исполнения решения прав сторон. Легитимная цель оспариваемой нормы не усматривается. Омбудсмен указывает, что даже если оспариваемая норма была принята ради достижения упомянутой цели, содержащееся в ней ограничение не является необходимым в демократическом обществе. Немедленное исполнение решения по делам о взыскании оплаты труда относится к выполнению обязательств гражданско-правового характера.

Механизм защиты прав должен обеспечивать то, что допущенные нарушения будут устранены, пока дело рассматривается по существу, так как любой ущерб, нанесенный на промежуточных этапах судопроизводства или по его завершении, может стать необратимым, если нет реальной возможности его возместить, за исключением случаев, когда возбуждается иск о взыскании компенсации. В длительном судопроизводстве решение о немедленном исполнении постановления может быть приравнено к разрешению дела по существу, так как его последствия, возникающие у ответчика в связи с невозможностью взыскания, могут быть необратимыми.

Для того чтобы в случаях, когда суд допустил ошибку в разрешении дела и установил немедленное исполнение решения, получить обратно от истца необоснованно взысканную оплату труда, необходимо доказать или факт подделки представленных документов, или факт предоставления ложных сведений, или же после разрешения

дела во всех инстанциях обратиться в суд с новым иском о взыскании убытков, что потребует времени и расходов. Недопустимо, чтобы по причине судебной ошибки тяжущаяся сторона не имела возможности использовать средства правовой защиты в рамках существующего судопроизводства и была вынуждена начинать новое судопроизводство. Оспариваемая норма несоразмерно ограничивает быструю и эффективную защиту ущемленных прав ответчика.

Желание государства защитить работника и обеспечить ему скорейшее получение оплаты труда в случае прекращения трудовых отношений является обоснованным с точки зрения социальной необходимости. Однако процессуальный порядок в такой ситуации несовершенен, так как длительность рассмотрения трудового спора в гражданском процессе не ограничена. Фактически оплату работник получит только после вынесения решения судом первой инстанции, к тому же при условии, что будет установлено немедленное исполнение решения. В случае же увольнения работник, в соответствии с действующим регулированием, девять месяцев может получать пособие по безработице, выплата которого начинается в срок от одного до трех месяцев с момента получения статуса безработного. Таким образом, работник получает предоставляемую государством финансовую поддержку в случае безработицы скорее, чем суды на настоящий момент способны рассмотреть трудовые споры и установить немедленное исполнение решения.

Под соответствующим возмещением, на которое может претендовать лицо, чьи права были ущемлены, следует понимать не только возмещение убытков. Оно относится также к эффективной судебной защите, которая в себя включает восстановление положения, существовавшего до момента возникновения ущемления прав.

5. Приглашенное лицо – Министерство юстиции – считает, что оспариваемая норма соответствует первому и третьему предложениям статьи 92 Конституции.

Чтобы оценить соответствие оспариваемой нормы положениям Конституции, необходимо проанализировать ее смысл и цель во взаимосвязи с предусмотренным статьей 205 Гражданско-процессуального закона правовым регулированием в отношении решений, подлежащих немедленному исполнению, в той мере, в какой оно может быть отнесено к допустимости поворота исполнения решения в делах о взыскании оплаты труда. Необходимо также оценить основные принципы, вытекающие из трудового права, и предусмотренные правовыми нормами инструменты защиты прав сторон.

С целью обеспечения как можно более полноценной защиты прав и охраняемых законом интересов работника от возможного произвола и возможных противоправных действий работодателя, а также с целью обеспечения социальной защиты работника в Гражданско-процессуальный закон встроено несколько правовых норм – пункт 1 части первой статьи 43, часть восьмая статьи 149, часть первая статьи 205 и оспариваемая норма, в которой содержится принцип защиты правовых интересов работника, схожий с тем, что установлен, например, пунктом 1 части первой статьи 78 Закона о труде.

Министерство юстиции выражает созвучное аргументам Саэймы мнение по вопросам дискуссий в постоянной рабочей группе по разработке поправок к Гражданско-процессуальному закону, характера немедленного исполнения решения, значимости использования сторонами процессуальных прав, свободы действий суда и его обязанности оценивать обстоятельства дела и излагать мотивированные соображения касательно этих обстоятельств. Это не было сделано надлежащим образом в делах, в которых участвовали Заявители.

Министерство юстиции также указывает на изменение юдикатуры Сената в отношении осмысления понятия оплаты труда и на необходимость правильно толковать оспариваемую норму.

Гарантированное третьим предложением статьи 92 Конституции право на соответствующее возмещение следует оценивать в контексте и пределах охвата права на справедливый суд.

6. Приглашенное лицо – Министерство благосостояния – считает, что оспариваемая норма соответствует статье 92 Конституции.

В рассматриваемом деле необходимо оценить два аспекта – соответствует ли оспариваемая норма первому предложению статьи 92 Конституции и является ли правильной существующая судебная практика по применению оспариваемой нормы. Оспариваемая норма сама по себе не противоречит праву на справедливый суд. Упомянутые Заявителями проблемы связаны с осмыслением понятия оплаты труда в контексте различных регламентирующих его норм и с применением оспариваемой нормы на практике. Выводы Сената, на которые указала Саэйма, обоснованны и полностью созвучны дефиниции, включенной в статью 59 Закона о труде. Однако в отдельных случаях, особенно в контексте других правовых норм, понятие оплаты труда следует интерпретировать в соответствии с конкретными обстоятельствами дела.

Существенное значение имеет то, что оспариваемая норма вступила в силу 1 марта 1999 года, а Закон о труде, в котором содержится дефиниция понятия «оплата труда», вступил в силу 1 июня 2002 года. Таким образом, понимание «оплаты труда» на момент принятия оспариваемой нормы могло отличаться от дефиниции, приведенной в Законе о труде, так как в то время трудовые правоотношения регулировались Кодексом законов о труде Латвии, в котором под оплатой труда понималось вознаграждение за фактически выполненную работу

или в отдельных случаях за время оправданного отсутствия, то есть заработная плата, доплаты и премии.

Цель оспариваемой нормы – в отдельных случаях защитить интересы работника в отношении оплаты труда, которая обеспечивает работнику надлежащие условия жизни. Ситуация, когда работник получает финансовые средства, которые не полагаются ему по соображениям честности, не соответствует цели нормы. Закон о труде обеспечивает справедливое решение в ситуациях, когда работник не выполняет работу по уважительным причинам, и возлагает на работодателя обязанность выплачивать оплату труда за соответствующий период, но это нельзя отнести к оплате труда, которая фактически заработана посредством выполнения работы, несмотря на то, что расторжение трудового договора было признано действительным.

Социальная защита работника после расторжения работодателем трудового договора гарантируется также созданной в государстве всеобъемлющей системой социальной безопасности. Кроме того, немедленное исполнение решения не является императивным, и суды общей юрисдикции могут оценить конкретные обстоятельства и последствия, которые могут вытекать из немедленного исполнения решения. Поворот исполнения решения не следует относить к части заработной платы, которая выплачивается за фактически выполненную работу.

В рассматриваемом деле нельзя констатировать необоснованное ущемление прав, следовательно исключена также необходимость в рассмотрении вопроса об обеспечении соответствующего возмещения в понимании третьего предложения статьи 92 Конституции. Интерес работодателя состоит в том, чтобы вернуть себе денежные средства, выплаченные без правового основания, следовательно, в данном случае в установлении дополнительного возмещения нет необходимости.

7. Приглашенное лицо – профсоюз «ОБЪЕДИНЕНИЕ СВОБОДНЫХ ПРОФСОЮЗОВ ЛАТВИИ» – считает, что оспариваемая норма соответствует первому и третьему предложениям статьи 92 Конституции.

Регулирование, содержащееся в Гражданско-процессуальном законе, предусматривает должный порядок, который исключает возможность произвольного установления немедленного исполнения решения. Имеется в виду, что такой правовой институт носит характер исключения, и, в соответствии с судебной практикой, оплата труда может быть взыскана немедленно только в особых обстоятельствах и в определенном размере, например, для удовлетворения наиболее неотложных потребностей работника (далее – для обеспечения работнику необходимых средств к существованию). Права работника в гражданском процессе подлежат особой защите. Обязанность работника – при предъявлении иска в суде действовать добросовестно. Если суд, оценив исковое заявление и материалы дела, заключил, что есть основания для установления немедленного исполнения решения, работник имеет право полагаться на то, что взысканная денежная сумма получена правомерно и он может ее израсходовать.

Если решение суда является неправильным, но тем не менее было исполнено немедленно, то средства в распоряжение работника попали в результате судебной ошибки, а не его собственных действий, и поэтому иск против работника исключен по причине запрета на создание негативных последствий. С целью обеспечения равновесия между правом работодателя на возврат необоснованно взысканной с него оплаты труда, с одной стороны, и необходимостью защиты работника, с другой стороны, в Гражданско-процессуальном законе сбалансированным

образом предусмотрены случаи, когда в делах о взыскании оплаты труда можно осуществить поворот исполнения решения.

Оспариваемую норму можно усовершенствовать, расширив перечень обстоятельств, при которых допустим поворот исполнения решения, и таким образом уменьшив влияние судебной ошибки на работодателя, однако ограничение в отношении поворота исполнения решения в рассматриваемом вопросе следует сохранить.

В рассматриваемом деле оценке подлежит содержание включенных в оспариваемую норму слов «оплата труда» и то, не было ли толкование этих слов в судах общей юрисдикции слишком широким, то есть, охватывает ли их содержание также возмещение за время вынужденного пропуска работы. Значение этого понятия различается как в рамках норм Закона о труде, так и среди других нормативных актов.

8. Приглашенное лицо – общество «Конфедерация работодателей Латвии» – полностью присоединяется к мнению Заявителей.

9. Приглашенное лицо – докторант Юридического факультета Латвийского Университета Mg. iur. Мартинс Осис – указывает, что немедленное исполнение решений, регулируемое статьей 205 Гражданско-процессуального закона, возможно в категориях исчерпывающим образом перечисленных дел по мотивированной просьбе участника дела, если суд таковую удовлетворил. Упомянутый институт в латвийском гражданско-процессуальном регулировании не нов, и для его анализа могут использоваться материалы латвийской судебной практики межвоенного периода и сделанные в этот период правоведческие выводы и заключения.

Вообще гражданско-процессуальное регулирование предусматривает только исполнение вступивших в силу судебных решений, а регулирование в отношении немедленного исполнения решения является исключением. В статье 205 Гражданско-процессуального закона содержатся три группы случаев, в которых допустимо немедленное исполнение решения, и каждая из этих групп обладает специфическими свойствами. Положения пункта 2 части первой статьи 205 Гражданско-процессуального закона направлены на обеспечение менее защищенного лица необходимыми средствами к существованию уже в период судопроизводства, однако не определяют никакого механизма, который бы предусматривал предохранение ответчика от возможных убытков или снижал риск того, что ответчик не получит выплаченное (исполненное) обратно в случае, если в силу вступит благоприятное для ответчика решение или будет принято постановление, предусматривающее благоприятный для ответчика исход судопроизводства.

Установление того, что решение подлежит исполнению немедленно, обосновывается обеспечением работнику необходимых средств к существованию и означает, что в соответствующей ситуации работник таких средств не имеет. Содержание положений пункта 2 части первой статьи 205 Гражданско-процессуального закона является отступлением от принципа процессуального равноправия.

Оспариваемая норма является исключением из общих правил в отношении поворота исполнения решения. Такое регулирование делает право ответчика на поворот исполнения решения зависимым от вероятности, то есть от недобропорядочных (незаконных) действий истца. Так как право на поворот исполнения решения является самостоятельным правом ответчика, которое не может зависеть от вероятности или воли

истца, оспариваемая норма противоречит цели гражданского процесса и делает право ответчика на справедливый суд иллюзорным.

Часть выводов

10. Часть шестая статьи 635 Гражданско-процессуального закона регулирует допустимость поворота исполнения решения в делах трех категорий, а именно – в делах о взыскании средств содержания, о взыскании оплаты труда и о взыскании ущерба в связи с личными оскорблениями, в результате которых возникло увечье или иное повреждение здоровья или наступила смерть лица.

Требование Заявителей относится к ситуации, когда суд в соответствии с пунктом 2 части первой статьи 205 Гражданско-процессуального закона определяет, что не вступившее в силу решение о взыскании оплаты труда подлежит исполнению немедленно. В таких обстоятельствах оспариваемая норма запрещает поворот исполнения решения в делах о взыскании оплаты труда, за исключением случаев, когда отмененное решение было основано на предоставленных истцом (работником) ложных сведениях или представленных им поддельных документах.

Таким образом, в рассматриваемом деле Конституционный суд будет оценивать соответствие части шестой статьи 635 Гражданско-процессуального закона, в той мере, в которой она относится к повороту исполнения решения по делам о взыскании оплаты труда, статье 92 Конституции.

Первое предложение статьи 92 Конституции предусматривает: «Каждый может защищать свои права и законные интересы в справедливом суде».

Конституционный суд признал, что используемое в статье 92 Конституции понятие «справедливый суд» содержит в себе два аспекта, а именно «справедливый суд» как независимый орган судебной власти, который рассматривает дело, и «справедливый суд» как надлежащий, соответствующий правовому государству процесс, в котором рассматривается дело (см., например, пункт 2 части выводов решения Конституционного суда от 5 марта 2002 года по делу № 2001-10-01 и пункт 9.3 решения Конституционного суда от 20 декабря 2006 года по делу № 2006-12-01).

Содержащееся в этой правовой норме понятие «справедливый суд» как надлежащий, соответствующий правовому государству процесс означает обязанность государства предусмотреть гарантии соблюдения принципов правомерности и справедливости при разрешении дела (см., например, пункт 11.1 решения Конституционного суда от 18 октября 2012 года по делу № 2012-02-0106). Согласно этим принципам, государство обязано создать юридический механизм, при помощи которого каждое лицо, чьи права были неправомерным образом затронуты или нарушены, сможет добиться эффективной защиты своих прав (см. пункт 7 решения Конституционного суда от 6 июня 2012 года по делу № 2011-21-01).

Цель судопроизводства – окончательно разрешить гражданско-правовой спор между субъектами права и восстановить ущемленные права. Под судебным решением следует понимать конечное заключение суда по делу, то есть результат дела (см.: *Bukovskis V. Civīlprocesa mācības grāmata. Rīga: Autora izdevums, 1933, стр. 17, 426 и 427*). Цели судопроизводства возможно достигнуть, если обеспечено исполнение судебного постановления. Таким образом, Конституционный суд признает, что входящая в понятие справедливого суда эффективная

защита прав лица немислима без гарантий исполнения вступивших в силу постановлений.

При выяснении содержания основных прав, определенных в Конституции, необходимо учитывать международные обязательства Латвии с сфере прав человека (см., например, пункт 8.1 решения Конституционного суда от 20 декабря 2010 года по делу № 2010-44-01). Конституционный суд уже ранее интерпретировал статью 92 Конституции во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции (см., например, пункт 7.1 решения Конституционного суда от 17 января 2005 года по делу № 2004-10-01 и пункт 7 решения Конституционного суда от 9 января 2014 года по делу № 2013-08-01). Таким образом, выводы касательно права на справедливый суд, содержащиеся в постановлениях ЕСПЧ, можно использовать для выяснения содержания первого предложения статьи 92 Конституции.

Статья 6 Конвенции предусматривает: «Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей [...] на справедливое и открытое рассмотрение дела в разумный срок независимым и объективным, созданным на основании закона судом».

ЕСПЧ указывает, что понятие справедливого суда включает в себя право требовать, чтобы государство обеспечило эффективное исполнение судебного решения (см., например, пункты 174–189 решения ЕСПЧ от 22 июня 2004 года по делу *Pini and Others v. Romania*, заявления № 78028/01 и № 78030/01, и пункты 54–56 решения ЕСПЧ от 24 июля 2003 года по делу *Ryabykh v. Russia*, заявление № 52854/99). ЕСПЧ также подчеркивает, что гарантированное статьей 6 Конвенции право было бы иллюзорным, если бы действительное и не подлежащее обжалованию судебное постановление не подлежало исполнению и это, в свою очередь, создавало бы негативные последствия для одного из участников дела. Следовательно, исполнение судебного решения является неотъемлемой

составляющей права на справедливый суд (см. пункт 34 решения ЕСПЧ от 7 мая 2002 года по делу *Burdov v. Russia*, заявление № 59498/00, и пункт 17 решения ЕСПЧ от 4 ноября 2014 года по делу *Popov and others v. Russia*, заявление № 20347/09).

Учитывая вышеупомянутое, первое предложение статьи 92 Конституции следует толковать таким образом, что оно содержит в себе гарантии эффективного исполнения судебного решения, так как без них прочие принципы справедливого судопроизводства теряют свой смысл.

Таким образом, из первого предложения статьи 92 Конституции вытекает обязанность государства обеспечивать эффективную защиту прав, в которую среди прочего входит исполнение судебного постановления.

Третье предложение статьи 92 Конституции предусматривает: «В случае необоснованного ущемления прав каждый имеет право на соответствующее возмещение».

Один из Заявителей – общество с ограниченной ответственностью *DNB lizings* – указывает, что установленные третьим предложением статьи 92 Конституции права содержат в себе также право на эффективное судебное постановление.

Сазйма же считает, что общество с ограниченной ответственностью *DNB lizings* слишком широко интерпретирует третье предложение статьи 92 Конституции. Имеется в виду, что упомянутую норму в сравнении с первым предложением статьи 92 Конституции следует считать специальной нормой права, в которой содержатся лишь отдельные гарантии права на справедливый суд.

В третьем предложении статьи 92 Конституции, предусматривающем, что одна из основных задач суда – предоставить справедливое возмещение за необоснованное ущемление прав,

конкретизирован особый аспект права на справедливый суд. Понятие «соответствующее возмещение» прежде всего следует интерпретировать как любое соответствующее ущемлению прав справедливое удовлетворение, которое в конкретной правовой ситуации соизмеримо с ущемлением прав лица и охватывает как возмещение убытков, так и компенсацию неимущественного вреда. Эта норма содержит общую гарантию – если государство нарушило права индивидуума, индивидуум имеет право на возмещение. Третьему предложению статьи 92 Конституции соответствует только такое возмещение, которое одновременно является эффективным средством правовой защиты (см. пункты 6 и 7 решения Конституционного суда от 6 июня 2012 года по делу № 2011-21-01 и пункт 22 решения Конституционного суда от 29 декабря 2014 года по делу № 2014-06-03).

Учитывая фактические обстоятельства рассматриваемого дела, оспариваемую норму прежде всего следует оценивать в пределах охвата первого предложения статьи 92 Конституции. Если нарушение основных прав, заключенных в этой норме Конституции, не будет констатировано, Конституционному суду необходимо будет проверить, может ли оспариваемая норма вызвать ущемление основных прав, определенных третьим предложением статьи 92 Конституции. В случае же, если Конституционный суд придет к выводу, что оспариваемая норма не соответствует первому предложению статьи 92 Конституции, в оценке соответствия этой нормы третьему предложению упомянутой статьи более не будет необходимости.

Таким образом, Конституционный суд прежде всего оценит соответствие оспариваемой нормы первому предложению статьи 92 Конституции.

Сазйма считает, что оспариваемая норма не предусматривает ограничение указанных Заявителями основных прав и что суды общей юрисдикции толкуют эту норму вне соответствия с Конституцией. Таким образом, Заявители по сути просят оценить практику применения оспариваемой нормы, но ее переоценка не входит в компетенцию Конституционного суда.

Мнение участников дела и приглашенных лиц о содержании правовой нормы само по себе не имеет решающего значения в выяснении правовых последствий соответствующей нормы. Правовую норму нельзя осмыслить вне практики ее применения и вне правовой системы, в которой она функционирует (см., например, пункт 24.5 решения Конституционного суда от 23 ноября 2006 года по делу № 2006-03-0106 и пункт 20.2.2 решения Конституционного суда от 28 ноября 2014 года по делу № 2014-09-01). Учитывая упомянутое, Конституционному суду необходимо анализировать содержание оспариваемой нормы во взаимосвязи с нормами Закона о труде и юдикатурой Сената.

Конституционному суду необходимо выяснить, содержит ли оспариваемая норма ограничение основных прав, определенных в Конституции. Чтобы определить, имеется ли основание для оценки соответствия оспариваемой нормы положениям Конституции, необходимо вывести истинный смысл этой нормы (см. пункт 6 решения Конституционного суда от 22 апреля 2005 года о прекращении судопроизводства по делу № 2004-25-03 и пункт 7 решения Конституционного суда от 20 января 2010 года о прекращении судопроизводства по делу № 2009-14-01).

10.1. Сазйма указывает, что содержащееся в оспариваемой норме понятие «оплата труда» в судебной практике толкуется неправильно, так как возмещение за вынужденный пропуск работы нельзя считать оплатой труда в понимании статьи 59 Закона о труде.

В рассматриваемом деле значимым является вопрос, относится ли оспариваемая норма к делам о взыскании возмещения за время вынужденного пропуска работы, то есть, входит ли упомянутое возмещение в понятие используемого в оспариваемой норме понятие «оплата труда».

Статья 59 Закона о труде предусматривает: «Оплата труда – это регулярно выплачиваемая работнику плата за работу, которая включает заработную плату и предусмотренные нормативными актами, коллективным трудовым договором или трудовым договором доплаты, а также премии и любые другие виды вознаграждения в связи с работой». Сенат 29 октября 2008 года заключил, что ранее выраженное мнение Сената о понятии «вознаграждение за труд» нельзя считать правильным, так как толкование этого понятия было суженным. Из предусмотренных статьей 59 Закона о труде видов оплаты вытекает, что единственно заработной платой и доплатами к заработной плате являются вознаграждением за труд, регулярную выплату которого законодатель предусмотрел императивно. Регулярность выплат не относится к премиям и другим видам вознаграждения. Закон о труде предусматривает не только вознаграждение за работу, которую работник выполнил, но и, например, оплату в случаях, когда работник не выполняет работу по уважительным причинам (статья 73), когда работодатель не задействует работника или же не выполняет действий, необходимых для приема выполненной работником работы (статья 74). Таким образом, закон предусматривает вознаграждение за труд также в особо оговоренных случаях, когда работник не выполняет работу, поэтому предусмотренное статьей 126 Закона о труде возмещение за вынужденный пропуск работы или выполнение низкооплачиваемой работы входит в состав нормы статьи 59 Закона о труде, то есть, оплатой труда является также любой

другой вид вознаграждения (возмещения) в связи с работой (*см. пункт 8.4 решения Сената от 29 октября 2008 года по делу № SKC-375/2008*).

В свою очередь, 14 октября 2009 года Сенат подчеркнул, что в отношении осмысления соответствующего понятия юдикатура изменена. В дополнение к этому Сенат заключил, что такое мнение соответствует юдикатуре Суда Европейского Союза (далее – СЕС), согласно которой в понятие оплаты труда входит любое вознаграждение за работу или в связи с работой, за единственным исключением взносов государственного социального страхования (*см. пункт 10.2 решения Сената от 14 октября 2009 года по делу № SKC-899/2009*). СЕС указал, что компенсацию за противоправное увольнение следует считать оплатой труда [*см. пункт 28 решения СЕС (на тот момент – Суд Европейских Сообществ) от 9 февраля 1999 года по делу C-167/97 Regina v. Secretary of State for Employment, ex parte Nicole Seymour-Smith and Laura Perez*].

Конституционный суд учитывает соображения относительно того, что оплатой труда является любое связанное с работой вознаграждение, на которое работник имеет право, то есть среди прочего также возмещение в связи с тем, что работник был необоснованно лишен возможности исполнять обязанности. Следовательно, содержащееся в нормах Гражданско-процессуального закона понятие «оплата труда» следует интерпретировать во взаимосвязи с нормами Закона о труде, и содержание этого понятия созвучно толкованию, выполненному в рамках юдикатуры Сената.

Таким образом, оспариваемая норма среди прочего относится к гражданским делам, в которых установлено, что решение о взыскании возмещения за время вынужденного пропуска работы подлежит немедленному исполнению.

10.2. Сазйма также считает, что суды общей юрисдикции, рассматривая в порядке части первой статьи 205 Гражданско-

процессуального закона просьбу работника о немедленном исполнении решения, среди прочего должны надлежащим образом оценивать финансовое положение работника. Решение должно подлежать исполнению только в той его определенной части, которая обеспечит работнику необходимые средства к существованию.

Статья 204 Гражданско-процессуального закона предусматривает: «Решение приводится в исполнение после его вступления в законную силу, за исключением случаев, когда решение подлежит немедленному исполнению». Упомянутая правовая норма отдельно выделяет исполнимость как свойство судебного решения, вступившего в законную силу. Благодаря этому свойству, сторона, в пользу которой было вынесено решение, может добиться реальной защиты и воплощения своих оспоренных или ущемленных прав и законных интересов [см.: *Civilprocesa likuma komentāri. I daļa (1. – 28. nodaļa)* [Комментарии к Гражданско-процессуальному закону. I часть (главы 1–28)]. *Torgāns K. (zin. red.) Rīga: Tiesu namu aģentūra, 2011, стр. 443*].

Статья 205 Гражданско-процессуального закона, в свою очередь, содержит положения о немедленном исполнении решений, не вступивших в силу. Это – исключение из общего правила, согласно которому исполнению подлежат только вступившие в силу решения. Согласно регулированию, заключенному в этой статье, суд по просьбе участника дела может постановить, что решение подлежит немедленному исполнению, полностью или в определенной части.

Конституционный суд согласен с аргументами Сазймы, что регулирование, содержащееся в пункте 2 части первой статьи 205 Гражданско-процессуального закона и в оспариваемой норме, направлено единственно на обеспечение работнику необходимых средств к существованию. Как указал Сенат, суд, согласно части первой статьи 205 Гражданско-процессуального закона, может вообще отклонить просьбу о

немедленном исполнении решения, приняв во внимание конкретные обстоятельства, а также права работника и его охраняемые законом интересы. Суд также имеет право удовлетворить просьбу частично – это означает, что немедленное исполнение решения о взыскании среднего заработка в связи с вынужденным пропуском работы можно отнести к взысканию определенной денежной суммы, чтобы обеспечить работнику необходимые средства к существованию (см. пункт 21 решения Сената от 22 июня 2011 года по делу № SKC-980/2011). Судебная практика свидетельствует о том, что суды первой инстанции оценивают обстоятельства, в силу которых может быть необходимо или допустимо немедленное исполнение решения (см., например, решение Суда Айзкраукленского района от 25 ноября 2014 года по делу № C07064914 и решение Суда Земгальского предместья города Риги от 30 октября 2014 года по делу № C31513912).

В статье 634 Гражданско-процессуального закона (поворот исполнения решения) содержится гражданско-процессуальный принцип, согласно которому в случае, когда приведенное в исполнение решение отменяется и после нового рассмотрения дела выносится решение об отклонении иска или принимается решение прекратить судопроизводство по делу или оставить дело без рассмотрения, ответчику возвращается все, что с него было взыскано в пользу истца по отмененному решению. В этой правовой норме закреплен порядок, который необходим для обеспечения ответчику возможности эффективно реализовать свое право на справедливый суд, то есть добиться восстановления имущественного положения, в котором он находился до немедленного исполнения еще не вступившего в силу решения.

Оспариваемая норма, напротив, содержит исключение из этого порядка. Она предусматривает поворот исполнения решения в делах о взыскании оплаты труда только в двух случаях – если отмененное

решение основано на предоставленных истцом ложных сведениях или на представленных им поддельных документах. Таким образом, оспариваемая норма также содержит особое регулирование, связанное с неблагоприятными последствиями для субъекта права, который осуществил упомянутые действия. Имеется в виду, что допустимость поворота исполнения решения зависит от того, действовал ли истец нечестно (незаконно). Никаких других возможных случаев поворота исполнения решения в делах о взыскании оплаты труда не предусмотрено.

Согласно юдикатуре Сената, оспариваемую норму следует толковать в соответствии с ее словесным смыслом, то есть, если отмененное решение суда не было основано на предоставленных истцом ложных сведениях или представленных им поддельных документах, поворот исполнения решения недопустим (*см. пункт 8.4 решения Сената от 29 октября 2008 года по делу № SKC-375/2008 и пункт 10.2 решения Сената от 14 октября 2009 года по делу № SKC-899/2009*).

Кроме того, оспариваемая норма лишает работодателя возможности истребовать у работника оплату труда, взысканную по отмененному судебному решению, даже путем возбуждения нового иска на основании общих положений Гражданского закона об истребовании ввиду необоснованного обогащения, так как общая норма права может применяться в той мере, в какой она не ограничена специальной правовой нормой (*см. пункт 8 решения Сената от 31 мая 2013 года по делу № SKC-1491/2013*).

Таким образом, в случае, когда немедленно приведенное в исполнение судебное решение, которое не вступило в силу, не было основано на предоставленных истцом ложных сведениях или представленных им поддельных документах, ответчик лишен возможности получить обратно денежные средства, которые были

выплачены в рамках исполнения этого решения, даже в том случае, если исход судопроизводства для ответчика благоприятен.

Оспариваемая норма позволяет истцу оставить себе денежные средства, на которые истец не имеет права. В связи с этим следует признать необоснованным замечание Сазймы, что ограничение основных прав предотвращается предусмотренными в Гражданско-процессуальном законе возможностями немедленного исполнения решения лишь в определенной его части. Конституционный суд указывает, что и частичное взыскание денежных средств в результате применения оспариваемой нормы может стать необратимым, так как ответчик будет полностью лишен возможности получить обратно эти денежные средства.

Кроме того, оспариваемая норма относится также к заинтересованности работодателя в том, чтобы получить обратно денежные средства, взысканные с него согласно немедленно исполненному судебному решению по гражданскому делу, в котором имеет место спор о соответствии размера вознаграждения выполненной работе. Таким образом, аргументы Сазймы в пользу того, что применение оспариваемой нормы единственно с целью взыскания платы за выполненную работу не вызывает ограничения основных прав лица, являются необоснованными.

10.3. Судебное решение в первую очередь по существу разрешает спорные материально-правовые отношения между тяжущимися сторонами. Претензия истца к ответчику является материально-правовым требованием, которое среди прочего возможно удовлетворить судебным путем посредством исполнения решения (см.: *Bukovskis V. Civīlprocesa mācības grāmata [Учебное пособие по гражданскому процессу]. Rīga: Autora izdevums [Издание автора], 1933, стр. 286, 426 и 427*). Таким образом, исполнение судебного решения прежде всего направлено на то, чтобы каждая сторона могла пользоваться

теми материальными правами, которые признаны вступившим в силу судебным решением.

Согласно части второй статьи 124 Закона о труде, признание того, что расторжение договора работодателем не имеет силы, является основанием для восстановления работника на работе, а такое восстановление, в свою очередь, согласно части первой статьи 126 того же закона, является основанием для взыскания возмещения за все время вынужденного пропуска работы. Право на получение платы за вынужденный пропуск работы возникает у истца в момент, когда суд восстановил его на работе (*см. решение Сената от 5 ноября 2003 года по делу № SKC-525*). Таким образом, иск о взыскании возмещения за время вынужденного пропуска работы напрямую зависит от иска работника о признании расторжения трудового договора недействительным и о восстановлении его на работе. Решение, которым отклоняется иск о признании расторжения трудового договора недействительным, во всех случаях означает, что отклоняется и подчиненное этому иску требование о взыскании возмещения за время вынужденного пропуска работы.

Решением суда апелляционной инстанции, которым отменяется благоприятное для истца и немедленно приведенное в исполнение решение суда первой инстанции, или решением того суда, который первоначально удовлетворенный иск рассматривает заново, одновременно по существу разрешается как иск о признании расторжения трудового договора недействительным, так и иск о взыскании возмещения за время вынужденного пропуска работы.

Решения, которыми иск отклоняется, обычно не требуют исполнения. Однако в случаях, когда решение суда первой инстанции было исполнено немедленно, восстановление прежнего имущественного положения сторон в соответствии с положениями решения суда апелляционной инстанции возможно посредством применения поворота

исполнения решения. Оспариваемая норма не позволяет исполнять такие благоприятные для ответчика окончательные судебные решения, которыми дело разрешается по существу, и, следовательно, не позволяет получить обратно денежные средства, выплаченные истцу без правового основания.

Таким образом, оспариваемая норма ограничивает определенное первым предложением статьи 92 Конституции право ответчика на эффективное исполнение судебного решения.

Право на справедливый суд может быть ограничено, однако необходимо проверить, является ли ограничение оправданным, а именно: 1) установлено ли оно законом; 2) имеет ли оно легитимную цель; 3) является ли оно соразмерным (*см., например, пункт 1.2 части выводов решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01*).

Оспариваемая норма содержится в Гражданско-процессуальном законе. В деле отсутствует спор о том, что оспариваемая норма была принята и объявлена в порядке, предусмотренном Конституцией и Регламентом Сазймы.

Таким образом, вытекающее из оспариваемой нормы ограничение основных прав установлено законом.

В основе каждого ограничения основных прав должны лежать обстоятельства и аргументы, подтверждающие его необходимость, то есть, ограничение устанавливается ради обеспечения важных интересов – достижения легитимной цели (*см., например, пункт 9 решения Конституционного суда от 22 декабря 2005 года по делу № 2005-19-01*).

Если были установлены ограничения прав, обязанность предъявить и обосновать легитимную цель таких ограничений в процессе Конституционного суда лежит в первую очередь на органе, который издал оспариваемый акт, в конкретном случае – на Саэйме (*см., например, пункт 12 решения Конституционного суда от 1 ноября 2012 года по делу № 2012-06-01 и пункт 18 решения Конституционного суда от 11 декабря 2014 года по делу № 2014-05-01*).

Саэйма указывает, что легитимная цель содержащегося в оспариваемой норме ограничения основных прав – обеспечить право других людей, то есть работников, на получение оплаты труда, соответствующей выполняемой работе.

Можно согласиться с мнением Саэймы о легитимной цели содержащегося в оспариваемой норме ограничения основных прав, в той мере, в какой она относится к защите прав работника. Однако основной вопрос рассматриваемого дела не связан с правом на получение платы, соответствующей выполняемой работе. Напротив – из оспариваемой нормы вытекает, что работник может оставить себе денежные средства, которые были взысканы в его пользу по отмененному судебному решению и которые он не заработал своим трудом. В соответствии со вступившим в силу постановлением, работник в конкретной ситуации не имеет права на получение средств, которые были взысканы по приведенному в исполнение, но отмененному судебному решению.

Предусмотренное оспариваемой нормой исключение относится к работникам. Такие лица считаются социально слабейшими и дополнительно нуждающимися в особой правовой защите. Из регулирования трудовых правоотношений вытекает, что одна из сторон – работник – находится в экономически более слабой позиции по сравнению со второй стороной – работодателем (*см. часть выводов решения Конституционного суда от 13 марта 2011 года по делу № 2000-*

08-0109 и пункт 15 решения Конституционного суда от 20 апреля 2012 года по делу № 2011-16-01). Оплату труда следует считать главным источником дохода работника, и оспариваемой нормой особо защищается право работника израсходовать на собственные нужды взысканные с работодателя денежные средства.

Следовательно, содержащееся в оспариваемой норме ограничение основных прав имеет легитимную цель – защищать права других людей, упомянутых в статье 116 Конституции, то есть работников.

Таким образом, у оспариваемой нормы имеется легитимная цель – защита прав других лиц.

Конституционный суд заключил, что, констатировав легитимную цель ограничения основных прав, необходимо оценить соответствие этого ограничения принципу соразмерности и, таким образом, выяснить:

во-первых, пригодны ли используемые законодателем средства для достижения легитимной цели, то есть можно ли посредством оспариваемой нормы достигнуть легитимной цели ограничения;

во-вторых, являются ли такие действия необходимыми, то есть нельзя ли достигнуть цели иными, в меньшей степени ограничивающими права и законные интересы лица средствами;

в-третьих, являются ли действия законодателя адекватными, то есть превосходит ли польза, которую получает общество, ущерб, наносимый правам и законным интересам индивидуума.

Если признается, что установленное правовой нормой ограничение не соответствует хотя бы одному из этих критериев, то ограничение не соответствует также принципу соразмерности и является неправомерным (см., например, пункт 12 решения Конституционного суда от 9 января 2014 года по делу № 2013-08-01).

В соответствии с оспариваемой нормой, работник может не возвращать необходимые средства к существованию, взысканные в его пользу по немедленно исполненному судебному решению, за исключением случаев, когда работник предоставил суду ложные сведения или представил суду поддельные документы. Кроме того, пункт 2 части первой статьи 205 Гражданско-процессуального закона и часть первая статьи 127 Закона о труде предусматривают возможность получить такие средства как можно скорее, то есть как только будет принято решение о взыскании оплаты труда (также среднего заработка за все время вынужденного пропуска работы). Таким образом, оспариваемая норма заботится о защите прав работника.

Следовательно, подобранные законодателем средства пригодны для достижения легитимной цели.

Установленное оспариваемой нормой ограничение прав необходимо, если не существует иных средств, которые были бы столь же действенны и при выборе которых основные права лица ограничивались бы в меньшей степени. Оценивая то, можно ли легитимной цели достигнуть иначе, Конституционный суд подчеркивает, что более щадящим средством является не любое другое средство, а лишь такое, при помощи которого легитимной цели можно достигнуть по крайней мере на том же качественном уровне (*см. пункт 19 части выводов решения Конституционного суда от 13 мая 2005 года по делу № 2004-18-0106 и пункт 2 решения Конституционного суда от 28 ноября 2014 года по делу № 2014-09-01*).

Одновременно в компетенции Конституционного суда находится проверка того, не существует ли альтернативных средств, которые бы в меньшей степени ограничивали основные права лиц, определенные в

Конституции (см., например, пункт 15 решения Конституционного суда от 15 апреля 2009 года по делу № 2008-36-01).

10.4. Заявители указывают, что легитимной цели содержащегося в оспариваемой норме ограничения можно было бы достигнуть, создав механизм компенсации необходимых работнику средств к существованию или механизм компенсации расходов ответчика. Однако в таком случае государству было бы необходимо создать новый порядок социального страхования, предусмотренный на случай безработицы, или пересмотреть реализацию уже существующих функций.

Конституционный суд уже неоднократно указывал: если какое-либо возможное альтернативное средство приводит к сравнительно крупному приросту объема работы государственных органов, то нельзя утверждать, что такое регулирование достигало бы легитимной цели точно на том же качественном уровне (см. пункт 18.3.2 решения Конституционного суда от 28 марта 2014 года по делу № 2012-15-01 и пункт 28 решения Конституционного суда от 7 июля 2014 года по делу № 2013-17-01).

10.5. Социальная защита лиц является функцией государства, поэтому социальную защиту работника после расторжения трудового договора работодателем гарантирует также созданная государством система социальной безопасности, которая включает в себя как услуги обязательного государственного социального страхования, так и социальную помощь (см. мнение Министерства благосостояния, стр. 160 материалов дела).

Согласно пункту 17 статьи 1 Закона о социальных услугах и социальной помощи, право на получение социальной помощи относится к ситуации, когда у лиц не хватает средств на удовлетворение основных потребностей. Теоретически существующую возможность лица просить социальной помощи нельзя считать более щадящим средством, при

помощи которого легитимной цели можно достигнуть по крайней мере на том же качественном уровне (*для сравнения: пункт 30.2.2 решения Конституционного суда от 21 декабря 2009 года по делу № 2009-43-01*).

Согласно регулированию Закона о поддержке безработных и лиц, ищущих работу, закона «О страховании на случай безработицы» и правил Кабинета министров № 866 от 21 октября 2008 года «Порядок исчисления средней заработной платы для страховых взносов для определения размера пособия по безработице и порядок назначения, исчисления и выплаты пособия по безработице и пособия на погребение», лицу, которое получило статус безработного и которому назначено пособие по безработице, Государственное агентство социального страхования выплачивает пособие даже в период, когда ведется судопроизводство о восстановлении трудовых правоотношений. Однако в настоящий момент, согласно статье 5 закона «О страховании на случай безработицы», право на пособие по безработице не могут получить все уволенные работники. Право на пособие по безработице лицо может получить в случае, если ему присвоен статус безработного, его общий страховой (трудовой) стаж составляет не менее одного года и за него осуществлялись взносы обязательного социального страхования на случай безработицы как минимум девять месяцев из последних 12 месяцев до дня получения статуса безработного. Следовательно, уволенный работник не может получить право на пособие по безработице, если не выполняются эти требования закона.

Таким образом, на настоящий момент созданная государством система социального страхования, которая предусмотрена на случай безработицы, не предусматривает для каждого лица средств, которыми легитимной цели содержащегося в оспариваемой норме ограничения основных прав можно было бы достигнуть по крайней мере на том же качественном уровне.

Следовательно, легитимной цели содержащегося в оспариваемой норме ограничения нельзя достигнуть иными, в меньшей степени ограничивающими права и законные интересы лица средствами.

Оценивая соответствие ограничения основных прав, содержащегося в оспариваемой норме, легитимной цели, необходимо проверить, не превосходят ли неблагоприятные последствия, возникающие для лица в результате ограничения его основных прав, пользу, которую от этого ограничения получает общество в целом.

Задача законодателя – соразмерным образом уравновесить права лиц, вовлеченных в судопроизводственный процесс. Поэтому Конституционному суду необходимо выяснить, каким правам в рассматриваемом деле следует придать большее значение – праву работника оставить себе денежные средства, взысканные по отмененному судебному решению, или праву работодателя получить эти средства обратно.

10.6. Принцип процессуального равенства, вытекающий из понятия справедливого суда, предусматривает, что в ходе рассмотрения дела права участников процесса должны быть справедливым образом уравновешены, то есть что каждому участнику процесса должны быть обеспечены адекватные возможности использования процессуальных средств и что ни один участник процесса не может быть необоснованно поставлен в менее благоприятную ситуацию по сравнению с другими участниками процесса. Однако в отдельных случаях (или в делах отдельных категорий) принцип процессуального равенства не запрещает предоставить одному участнику процесса соответствующие Конституции дополнительные права, которые будут ему гарантировать эффективную процессуальную защиту.

10.7. Работник является лицом, которому необходима особая правовая защита. По этой причине законодатель в правовых актах, регулирующих судопроизводство по делам о трудовых спорах, предусмотрел для работника ряд особых процессуальных гарантий различного характера.

Так, в соответствии с пунктом 1 части первой статьи 43 Гражданско-процессуального закона, работник освобожден от уплаты судебных издержек в доход государства по искам о взыскании оплаты труда и другим искам работника, вытекающим из трудовых правоотношений или связанным с ними. Статьей 125 Закона о труде работник освобождается от обязанности доказывания, причем на работодателя возлагается обязанность доказать, что для расторжения трудового договора имеется правовое основание и оно соответствует установленному порядку расторжения трудового договора. Согласно части первой статьи 127 Закона о труде и пункту 2 части первой статьи 205 Гражданско-процессуального закона, суд по просьбе работника может постановить, что решение о взыскании оплаты труда и среднего заработка за время вынужденного пропуска работы подлежит исполнению немедленно. Особые права для работника предусмотрены также в Законе о неплатежеспособности и других правовых актах.

10.8. Конституционный суд указывает, что такие дополнительные права в соответствии с их смыслом предоставляются работнику в целях достижения справедливого результата судопроизводственного процесса. Как уже упоминалось, судопроизводственный процесс по своему характеру направлен на полное разрешение гражданско-правового спора субъектов права, то есть на принятие и исполнение окончательного судебного постановления. В момент, когда такое судебное постановление принято, оно должно подлежать исполнению.

Подобным образом устроено регулирование статей 41–44 Гражданско-процессуального закона, предусматривающее, что если иск работника, который в соответствии с законом освобожден от уплаты судебных издержек в доход государства, был отклонен, с него в пользу ответчика подлежат взысканию уплаченные ответчиком судебные издержки и связанные с ведением дела расходы.

10.9. В противоположность указанным в пункте 20.2 настоящего решения процессуальным гарантиям, которые предоставляются работнику, право работодателя на поворот исполнения решения (право получить обратно от работника денежные средства, на которые работник не имеет права) зависит единственно от обстоятельств, на которые работодатель не может повлиять, а именно от того, предоставил ли работник суду ложные сведения или представил ли он суду поддельные документы. В силу упомянутого может случиться, что обжалование немедленно исполненного решения в отношении возврата денежных средств более не будет иметь значения и оно не будет обеспечивать защиту прав вовлеченных в дело лиц.

Гражданско-процессуальный закон не предусматривает процессуального механизма, который бы в трудовых спорах уменьшал риск работодателя не получить обратно взысканное по немедленно исполненному судебному решению, и оспариваемая норма не позволяет ответчику предъявить новый иск на основании норм Гражданско-процессуального закона об истребовании ввиду необоснованного обогащения. По этим причинам право ответчика в результате поворота исполнения решения получить обратно денежные средства, взысканные без правового основания по немедленно исполненному решению, ограничено настолько, что может считаться отнятым по сути. В такой ситуации другие гарантии справедливого суда, обеспеченные ответчику Гражданско-процессуальным законом, следует считать неэффективными,

так как фактически ответчик не может добиться исполнения благоприятного для него справедливого решения.

Таким образом, оспариваемая норма по сути лишает работодателя эффективной защиты его прав и, следовательно, также не уравнивает вытекающее из понятия справедливого суда право на эффективное исполнение решения, с одной стороны, и защиту права работника на получение необходимых средств к существованию, с другой стороны.

Цель гражданского процесса – восстановление ущемленных прав и принятие справедливого судебного решения, и эта цель отвечает интересам всего общества. Регулирование же, содержащееся в оспариваемой норме, не устраняет последствия необоснованного решения.

Следовательно, польза, которую в конкретной ситуации вследствие защиты прав работника получает общество, меньше ущерба, наносимого правам и законным интересам лица, т. е. работодателя (ответчика).

Таким образом, оспариваемая норма не соответствует первому предложению статьи 92 Конституции.

В случае, когда констатировано несоответствие оспариваемой нормы первому предложению статьи 92 Конституции, нет необходимости дополнительно оценивать ее соответствие третьему предложению статьи 92 Конституции.

В соответствии с пунктом 11 статьи 31 Закона о Конституционном суде, суд должен определить момент, в который оспариваемая норма (акт) утрачивает силу.

Законодатель частью третьей статьи 32 Закона о Конституционном суде наделил Конституционный суд широкой свободой действий при принятии решения о том, в какой момент утрачивает силу оспариваемая

норма, признанная не соответствующей правовой норме высшей юридической силы. Чтобы признать оспариваемую норму недействительной не со дня опубликования решения, а с другого момента, Конституционный суд должен обосновать свое мнение (см. пункт 34 решения Конституционного суда от 21 декабря 2009 года по делу № 2009-43-01 и пункт 21 решения Конституционного суда от 28 ноября 2014 года по делу № 2014-09-01).

В практике Конституционного суда были случаи, когда немедленная отмена оспариваемой нормы была невозможна и по этой причине суд определял, что оспариваемая норма утрачивает силу в какой-либо момент в будущем (см., например, пункт 3 части выводов решения Конституционного суда от 22 октября 2002 года по делу № 2002-04-03 и пункт 18 решения Конституционного суда от 15 апреля 2009 года по делу № 2008-36-01). Конституционный суд, пользуясь правом, предоставленным ему частью третьей статьи 32 Закона о Конституционном суде, в пределах возможностей должен заботиться о том, чтобы ситуация, которая может сложиться с момента утративания оспариваемой нормой силы, не вызвала ущемления основных прав, гарантированных лицам Конституцией.

Признание оспариваемой нормы недействительной изменит объем гарантий, предоставляемых работнику, то есть лицу, которому необходима особая правовая защита. Кроме того, необходимо учитывать, что правоотношения работодателя и наемного работника регламентируются не одной оспариваемой нормой, а обширной и единой системой правовых норм.

Конституционный суд признал, что законодатель обладает широкой свободой действий при выборе наиболее подходящего регулирования для реализации предусмотренных Конституцией основных прав. Конституционный суд не может замещать свободу действий

законодателя собственным мнением о наиболее рациональном решении (см., например, пункт 20 решения Конституционного суда от 19 декабря 2011 года по делу № 2011-03-01 и пункт 16 решения Конституционного суда от 2 мая 2012 года по делу № 2011-17-03). Конституционный суд признает, что в конкретной ситуации законодателю необходимо дать время на то, чтобы с учетом системы нормативных актов оценить, как лучше всего уравновесить права работодателя и работника.

Таким образом, оспариваемую норму следует признать недействительной с 1 ноября 2015 года.

В деле выражена просьба признать оспариваемую норму недействительной с момента возникновения ущемления основных прав лица (см. стр. 90 материалов дела).

Конституционный суд уже признал, что при принятии решения о моменте, в который оспариваемая норма (акт) утрачивает силу, необходимо учитывать, что его задача – по возможности устранить ущемление основных прав заявителей (см. пункт 25 решения Конституционного суда от 16 декабря 2005 года по делу № 2005-12-0103).

В рассматриваемом случае оспариваемая норма применена к Заявителям по вступившим в силу постановлениям судов апелляционной инстанции. Решение суда апелляционной инстанции в отношении общества с ограниченной ответственностью *RMB One* было принято 3 июля 2013 года, а в отношении общества с ограниченной ответственностью *DNB līzings* – 5 июня 2013 года. Таким образом, упомянутые даты следует считать моментами возникновения ущемления основных прав Заявителей. Статья 635 Гражданско-процессуального закона не предусматривает права лица на подачу нового заявления

(прошения) о повороте исполнения решения в случае, когда этот вопрос уже разрешен и судопроизводство по гражданскому делу прекращено.

Защиту интересов работника и недопущение немедленных негативных имущественных последствий в конкретной ситуации обеспечивает предусмотренное статьями 206, 438 и 554 Гражданско-процессуального закона право просить об отсрочке исполнения судебного решения, рассрочке его исполнения, изменении формы или порядка его исполнения.

Таким образом, чтобы устранить вызванные оспариваемой нормой неблагоприятные последствия, ее в отношении Заявителей надлежит признать недействительной с момента возникновения ущемления их основных прав.

Постановляющая часть

На основании статей 30–32 Закона о Конституционном суде Конституционный суд

постановил:

1. Признать часть шестую статьи 635 Гражданско-процессуального закона, в той мере, в какой она относится к повороту исполнения решения в делах о взыскании оплаты труда, не соответствующей первому предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики и недействительной с 1 ноября 2015 года.

2. В отношении подателей конституционной жалобы – общества с ограниченной ответственностью *RMB One* и общества с ограниченной ответственностью *DNB Iizings* – признать часть шестую статьи 635 Гражданско-процессуального закона, в той мере, в

какой она относится к повороту исполнения решения в делах о взыскании оплаты труда, не соответствующей первому предложению статьи 92 Конституции Латвийской Республики и недействительной с момента возникновения ущемления основных прав подателей конституционной жалобы.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение вступает в силу в день его опубликования.

Председатель судебного заседания

Алдис Лавиньш